

Эта «полифоничность» особенно видна в «Бесах», где Ставрогин, Кириллов, Шатов, отчасти Петр Верховенский, — являются носителями различных индивидуальных идей, обитателями различных духовных миров.

Как пламенно верующий христианин, Достоевский не разделял ни одной из идей этих «бесов» и выступал, конечно, обличительно против них. Но, как трагический и полифонический художник, он сумел сообщить индивидуальные оттенки не только «голосам» этих героев, но и обуревавшим их идеям.

В «Братьях Карамазовых» главным носителем идей сверхчеловечества является, конечно, Иван (ибо и Смердяков, и черт — лишь эманации идейного мира Ивана). Носителем противоположной идеи смирения и христианской любви является старец Зосима и, отчасти, его ученик Алеша.

В данном случае естественно было бы ожидать, что Достоевский «изобличит» Ивана, поскольку его сердце было, конечно, на стороне Зосимы и Алеши. Отчасти такое «изобличение» имеет место в романе. Все же, как художник, Достоевский и в данном случае сохраняет «вооруженный нейтралитет» и выражает идеи Ивана с их наиболее импрессивной, наиболее выгодной стороны.

В результате не только образ Ивана получился гораздо ярче образов его положительных героев. — (Это — свойство не только Достоевского. «Ад» Данте также изображен сильнее, чем его «Рай»). — Но и идеи Ивана изложены с большим диалектическим искусством и большей духовной заманчивостью, чем разделяемые самим автором идеи старца Зосимы.

Достоевский обладал редким искусством «драматизации идей», и идеи Ивана Карамазова, Кириллова и Ставрогина более драматичны по своей природе, чем духовно-гармонические, христианские идеи старца Зосимы.

Так или иначе, перечисленные нами три основных плана романов Достоевского (сюжетный, психологический и метафизический) действительно наличествуют в творчестве писателя, составляя одну из характернейших особенностей его композиционного искусства.

Мы упоминали также, что более внешние планы романов служат у Достоевского средством к выражению планов более внутренних. В этом смысле (но только в этом) Достоевский может быть назван символистом — Достоевскому чужды были, конечно, декадентские настроения, характерные для ранних символистов. Кроме того, он не был, конечно, поэтом. Но вполне законно проводить параллели между романами Достоевского и символической прозой («Мелкий бес» Сологуба, «Петербург» Белого). Характерно, что эти символические романы были написаны под несомненным влиянием Достоевского (хотя — далеко не его одного). Но, со всеми этими оговорками, Достоевский может быть условно назван символистом, если угодно — «трансцендентальным символистом».

С этим условным символизмом Достоевского связан ряд иных характерных особенностей его творчества. Загадочность главных героев в начале и «разоблачение» их в конце, необычайная динамика и быстрота действия, когда события, которые нормально заняли бы годы, происходят в течение нескольких недель, переходы от глубинного психологического анализа к американским темпам детективного кинофильма, и многое другое.

Поскольку Достоевский — более художник неограниченных душевных возможностей, чем художник эмпирической действительности, — это обусловило собой и особую структуру времени у писателя. Прежде всего — нагромождение драматических ситуаций, иногда переходящее в некий «супер-драматизм». Это потребовало, так сказать, «сжатия времени». Метод «ускорения времени» был сознательно использован Достоевским. Время Достоевского — не равномерно